

ГЕНЕЗИС ТРИЛИСТНЫХ ФИБУЛ И УМБОНОВИДНЫХ ПОДВЕСОК

ВЛАДИМИР И. КУЛАКОВ

Straipsnyje publikuojamos Kaupo pilkapyne rastos trys trilapės segės. Socialinė šių dirbinių svarba aptariama įvertinant galimą ryšį su skydo pavidalo kabučių simbolinės ir socialinės reikšmės geneze. Manoma, jog šie dirbiniai buvo prestižo atributai ir bylojo apie jų savininkų priklausomybę valdančiam kariniam sluoksniui.

Reikšminiai žodžiai: trilapės segės, skydo formos kabučiai.

Three trefoil fibulas from Kaup cemetery are presented in this paper. Social importance of these fibulas is discussed in relation to the symbolic and social meaning of shield-shaped pendants. These artefacts supposedly were attributes of social prestiges and indicated a social belonging of women to the ruling military elite in the 1st millenium AD.

Keywords: trefoil fibulas, shield-shaped pendants.

В североевропейских древностях эпохи викингов одним из редких отделов украшений являются трилистные фибулы (Kleeblattfibeln = нем. «Фибулы в виде листка клевера»). Эти предметы характеризуются уникальными очертаниями в виде трилистника цветка клевера, на примере материала могильника Бирка имеют в поперечнике от 44,3 до 69,5 мм (Hårdt, 1984, p. 86). Известные в основном в скандинавских древностях конца IX–X вв., данные застёжки крайне редки в Восточной Европе и в Балтии. В сводке 1967 г. на территории Древней Руси было зафиксировано 8 находок трилистных фибул (Дедюхина, 1967, с. 202, 203). К началу III тысячелетия н. э. число этих находок увеличилось до 15 (правда, без учёта прусского материала – Пушкина, 1999, с. 37).

В 2000 г. Балтийская экспедиция Института археологии Российской Академии наук возобновила начатые ею в 1979 г. раскопки комплексного памятника археологии эпохи викингов, расположенного в лесном урочище

Кауп (Зеленоградский р-н Калининградской обл.). В состав этого комплекса наряду с открытым торгово-ремесленным поселением, известным науке с 1979 г., входит курганно-грунтовой могильник IX–XI вв. Он оставлен обитателями полиэтничного поселения Кауп (Кулаков, 1996, с. 134–147). Работы на этом могильнике дали за короткое время три находки редчайших в Балтии трилистных фибул, которые ниже сведены в каталог трилистных фибул курганно-грунтового могильника Кауп:

1. Фибула из кургана К (Кауп) 128/146 № 1 (1, 2:1 рис.). Найдена на северо-восточной границе скопления остатков погребального костра, выше его уровня на 0,15 м. Данная бронзовая застёжка относится Бригиттой Хордт к трилистным фибулам группы 1 (Тур J. P. 90–92), датируемой IX–X вв. Эта уникальная для юго-восточной Балтии находка с лицевой стороны украшена растительным каролингским орнаментом, являющимся несомненным прототипом для декора в стиле Elling более поздних застёжек группы 1.

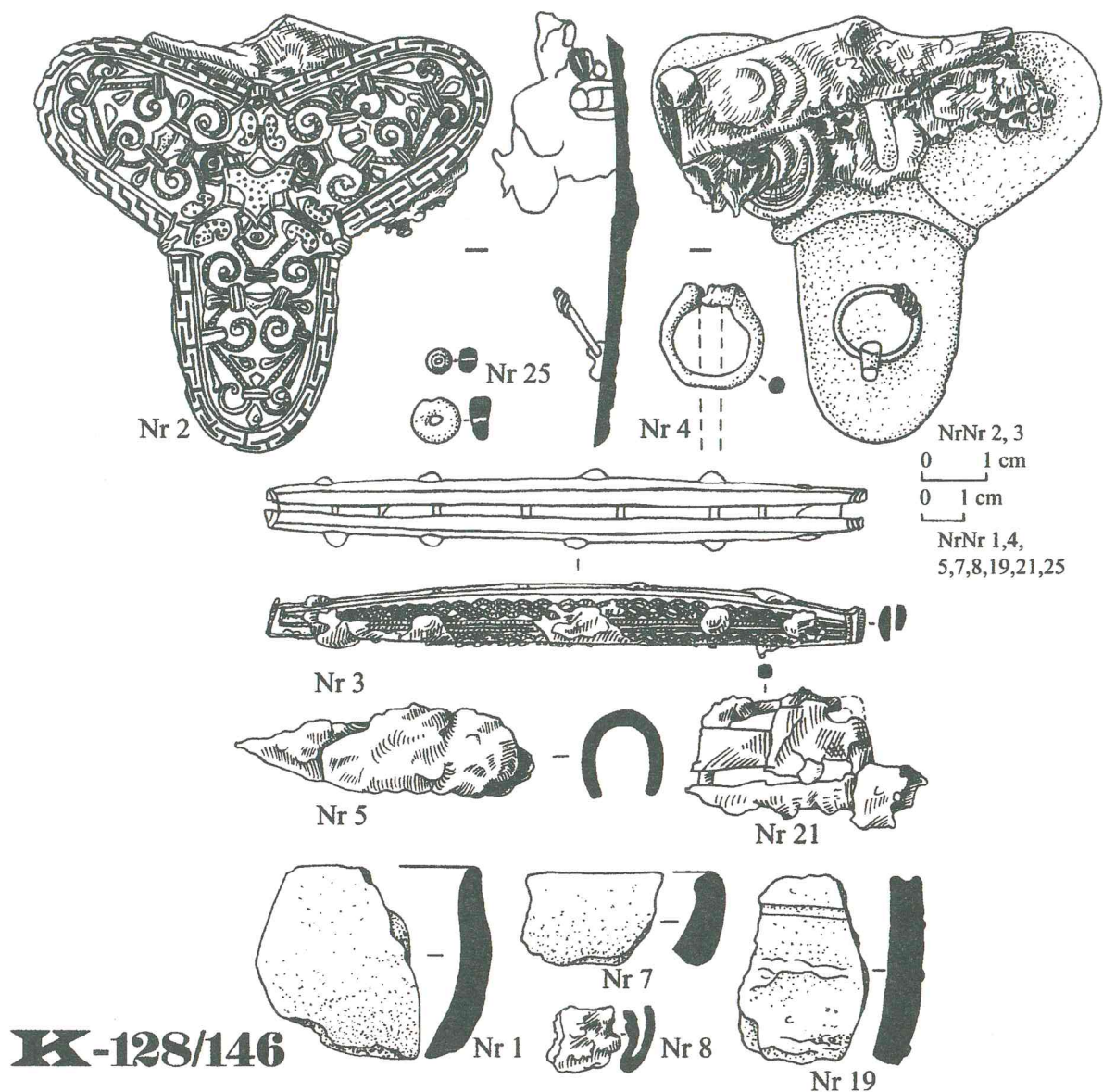

Рис. 1. Комплекс погребального инвентаря кургана К(ауп) 128/146 с трилистной фибулой (№ 2).

Показателен факт использования мастером двух взаимоисключающих декоров ободка фибулы – северо-европейского элемента полу-свастики и античного, возрождённого в эпоху Каролингов меандра. Очевидно, такой приём обработки поверхности (причём – с применением тончайшего штихеля по отливке)

указывает на принадлежность мастера фибулы К-128/146 не к скандинавскому этно-культурному сообществу, а к числу западноевропейских носителей каролингских традиций. Бригитта Хордт, указывая на каролингские прототипы трилистных застёжек, считала, что их франкское или же скандинавское

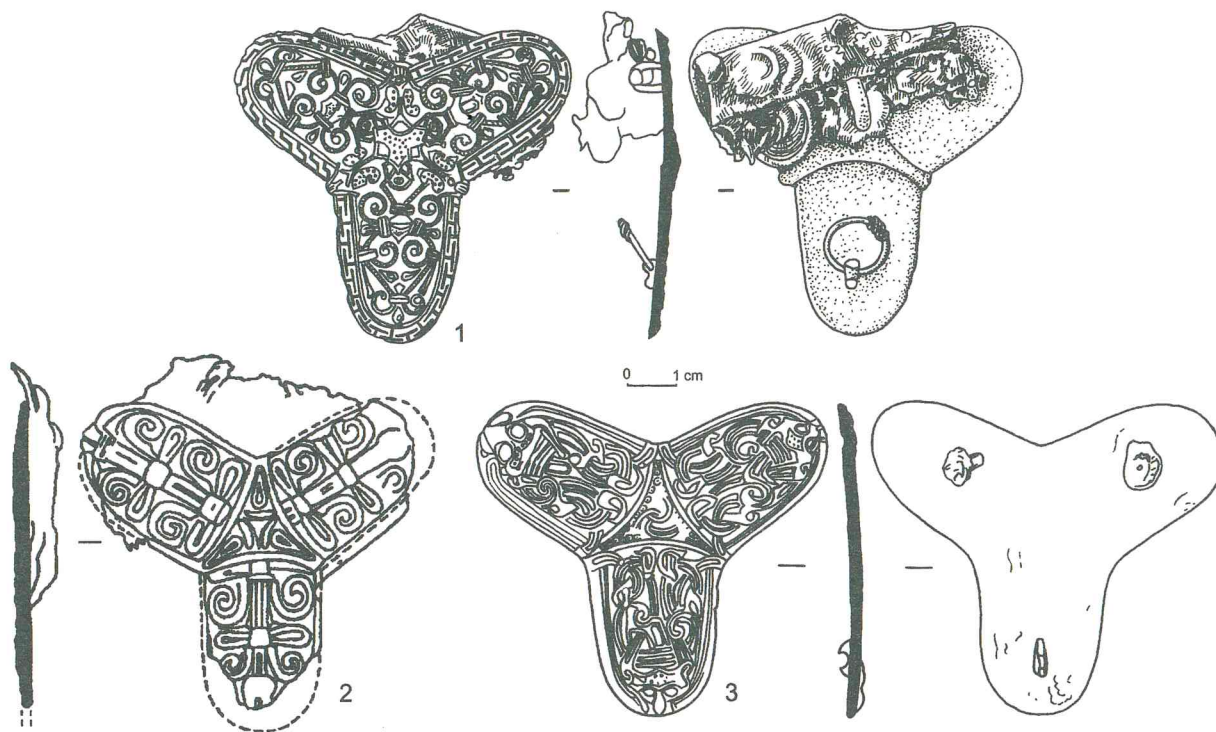

Рис. 2. Трилистные фибулы IX в. из могильника Кауп (Зеленоградский р-н Калининградской обл.): 1 – кург. К128/146 с приклепавшим изнутри обломком ножа; 2 – случайная находка 1992–1994 гг.; 3 – погр. К127/147–78. 1, 2 – бронза с остатками железной окалины от перекладчатой застёжки изнутри; 2 – позолоченная бронза, изнутри – два слоя шерстяной ткани. 1, 3 – по: Кулаков, 2006; 3 – Кулаков, 2005, рис. 2, 2.

происхождение не всегда ясно (Hårdt, 1984, р. 85).

Упомянутая находка обожжена лишь на 1 кв. мм своей поверхности и является, видимо, заупокойным даром, возложенным на кострище на финальном этапе свершения погребального обряда. С тыльной стороны фибулы, поверх её горизонтально расположенной железной шарнирной застёжки приклепал обломок ножа с бронзовой обоймой (оковка ножен) и железным окончанием этих ножен. Этот нож являлся подвеской к фибуле, крепившейся с тыла к ней при помощи бронзового кольца с завязанными концами. Вещевой комплекс женского (судя по набору инвентаря) погребения К–128/146 уверенно датируется IX–нач. X вв. по фибуле (Тур Kleeblattfibel) и по сопутствовавшему её в комплексе гребню

готландского происхождения с бронзовой обкладкой спинки (Kulakov, 2005, р. 77).

2. Фибула, обнаруженная в 1992–1994 гг. в одном из курганов Каупа «копателями» и позднее попавшая в фонды Калининградского Историко–художественного музея. Эта бронзовая, позолоченная застёжка (2:2 рис.) толщиной не более 2 мм была найдена в ходе несанкционированных «раскопок» в кургане вместе с круглой фибулой, кусками шерстяной ткани от шали/платка и остатками бронзовой цепочки. Аналог этой фибуле типа JP88 обнаружен в кургане Vj 1062 и отнесён Б. Хордт к группе 1. Принадлежащие к ней артефакты украшены спиральным орнаментом каролингского происхождения. Вслед за Яном Петерсеном Ингмар Янссон предлагает датировать их второй половиной IX в. (Hårdt, 1984, р. 88).

3. Фибула из погр. K127/147 № 78 (2:3 рис.). Данный артефакт изготовлен из бронзы путём литья в открытой форме, с тыльной стороны снабжён горизонтально крепившейся железной перекладчатой застёжкой. Считается, что подобное расположение застёжки актуально для большинства регионов Скандинавии, за исключением, видимо, Дании (Пушкина, 1999, с. 42). Перечисленные признаки характерны для большинства предметов отдела «Трилистные фибулы». Во вскрытом сезоне 2005 г. меморативном комплексе по прошествии незначительного отрезка времени после создания центрального мужского погребения над ним сооружается очередная ярус насыпи (ромбическая в плане размером 5x5 м) из супеси с примесью гравия. После сооружения насыпи практически в её центре выбирается яма для погр. K127-1. В яму овальной в плане формы размером 1,6x1,2 м помещаются остатки произведённого на стороне трупосожжения с парой черепаховидных фибул типа JP51, фибулой в виде трилистника группы Hårdt 5 (последняя четверть X в.), ножницами, ножом, фрагментом сосуда («временная урна»?). Находки обожжены слабо. Одна из черепаховидных фибул пробита ножом (3:77 рис.), что свидетельствует о соблюдении специфических черт погребального ритуала в обществе викингов, упомянутого Ибн-Фадланом. В отличие от двух ранее представленных в каталоге фибул застёжка из погр. K127/147 орнаментирована в традициях северного звериного стиля Боре. В центральном секторе корпуса фибулы, имеющем треугольные очертания, показан спиралевидный триплет.

Ещё в начале XX в. Ян Петерсен пришёл к выводу о генетической связи трилистных фибул с адекватными по форме накладками-разделителями ремней портупеи меча, возникшими в ареале франков (4 рис.). По их образцу фибулы изготавливались в IX–X вв. как в

пределах державы Каролингов, так и на севере нашего континента (Hårdt, 1984, p. 85). Прототипы трилистных застёжек – «трёхлучевые» портупейные накладки известны не только на западе, но и в центре Европы, в регионе, занятом в IX в. Великоморавской державой (5:2 рис.). Здесь, к югу от Карпат подобные предметы являлись материальными свидетельствами политических и военных амбиций Каролингов на далёких восточных рубежах своей державы (Ванечек, 1963, с. 15).

Практически полный аналог великоморавской накладке-разделителю из Стара Коурим (Словакия) в 2002 г. был обнаружен при раскопках открытого торгово-ремесленного центра Трусо (ныне – Янув-Поморски, Варминьско-Мазурское воев., Польша). Атрибутированный как трилистная фибула IX в., данный бронзовый артефакт может являться накладкой-разделителем или её репликой (5:2 рис.).

К сожалению, в скандинавской археологии не сложилось к настоящему времени мнения о причинах и цели формирования застёжек трилистной формы как реплик накладок-разделителей. Попробуем установить палеосоциальные аспекты возникновения этих застёжек уникальной формы на примере сходных по своим формальным функциям застёжек в виде щитов. Подобные круглые фибулы представлены в прусском материале эпохи раннего средневековья (Trupinda, 2004, p. 90).

В конце XX в. было высказано мнение о формировании культовой традиции изготовления миниатюрных предметов-оберегов (в том числе – и микро-копий щитов) в Северо-Западной Германии в IV–V вв. н. э. Отсюда, как считалось, вместе с англосаксами этот обычай распространился на Британский остров (Beilke-Voigt, 1994, p. 129).

В результате досконального сбора фактического материала талантливый польский

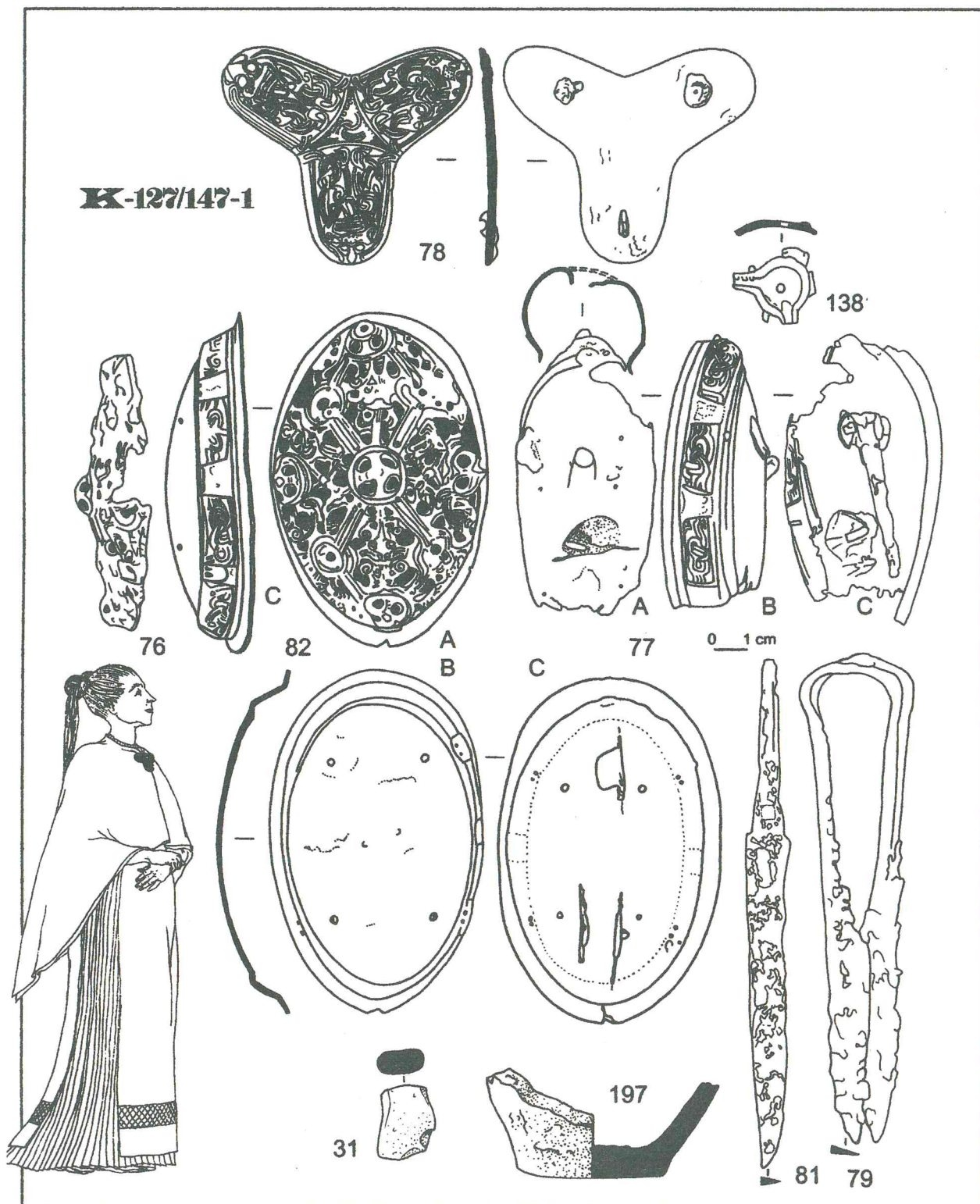

Рис. 3. Комплекс погребального инвентаря погр. К(ауп) 127/147-1 с трилистной фибулой (78).

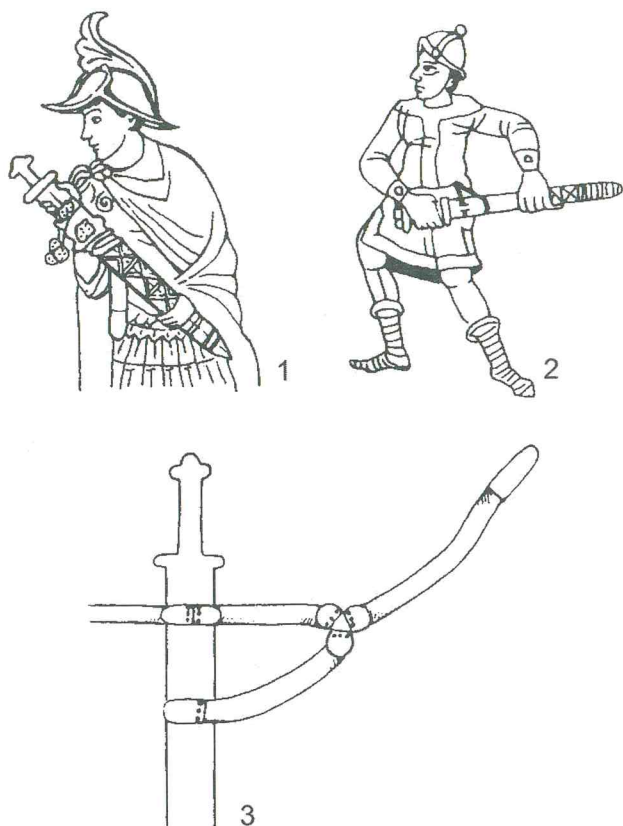

Рис. 4. Португеза меча IX в.: 1 – Иллюстрация из Библии Вивиана (ок. 846 г.); 2 – фигура воина из Штуттгартской Псалтири; 3 – схема каролингской перевязи меча (по Е. Вамерсу).

археолог Яцек Анджейовский пришёл к выводу, что культовые по своему смыслу миниатюрные модели характерны для островных кельтов во II–I вв. до н. э. (Andrzejowski, 2000, p. 34). Польский коллега пришёл к выводу о том, что за исключением двух пунктов находок (Тибр и Лауриакум) миниатюрные щиты характерны в раннеримское время для кельтов Британии и Галлии, в позднеримскую эпоху – для германцев ареалов пшеворской и вельбарской культур (Andrzejowski, 2000, p. 39). При этом миниатюрные щиты круглой формы – позднейшие из всего массива находок и обнаружены на погребальных памятниках эпохи переселения народов в Англии, на западных

берегах Балтики, на земле позднейшей Румынии и в Повислении (Andrzejowski, 2000, p. 28).

В прусском материале (к сожалению, точная привязка к определённому памятнику археологии отсутствует) известна находка, являющаяся миниатюрной бронзовой копией круглого щита (диам. 9 см) с умбоном, относящимся к типу Jahn 7a, вариант T. Liana 2, в пшеворских древностях относящийся к фазам B_{2b} и C_{1a} (Godłowski, 1970, p. 12, 13).

Этот артефакт (6 рис., A1, A2 и A3), до 1943 г. хранившийся в фондах Prussia–Museum и с 2001 г. находящийся в собрании Калининградского Историко–художественного музея, Вильгельмом Герте считался поясной бляхой этапов V и VI эпохи бронзы (Gaerte, 1929, p. 100). Кроме того, эта находка напоминает весьма обобщённую реплику навершия бронзовой булавки из погребального инвентаря культуры самбийских курганов.

На самом деле находка «из Восточной Пруссии» является весьма реалистичной копией круглого щита небольшого диаметра (принадлежность всадника?). По своему периметру этот миниатюрный щит имеет выпуклый валик, имитирующий оковку (6 рис., A1). С внутренней стороны миниатюры на выгнутой поверхности умбона видна паяная рукоять меча (6 рис., A3). Изнутри на плоскости щита видна каверна, образовавшаяся при литье в восковой модели. Эту находку следует отнести к ритуальным (?) моделям щитов, именуемым в немецкой археологической науке Phaleren, характерных на фазе B_1 для древних германцев Средней Германии, бассейна р. Эльбы, южной части полуострова Ютланд и для о. Фюне (Adler, 1993, p. 62, 63).

Варшавский учёный за пределами своего внимания оставил дельту р. Вислы и прилегающий берег Вислинского залива – исторические остров Гепедойос Йордана и Храйнс Хайллибо Симона Грунау (Кулаков, 1998,

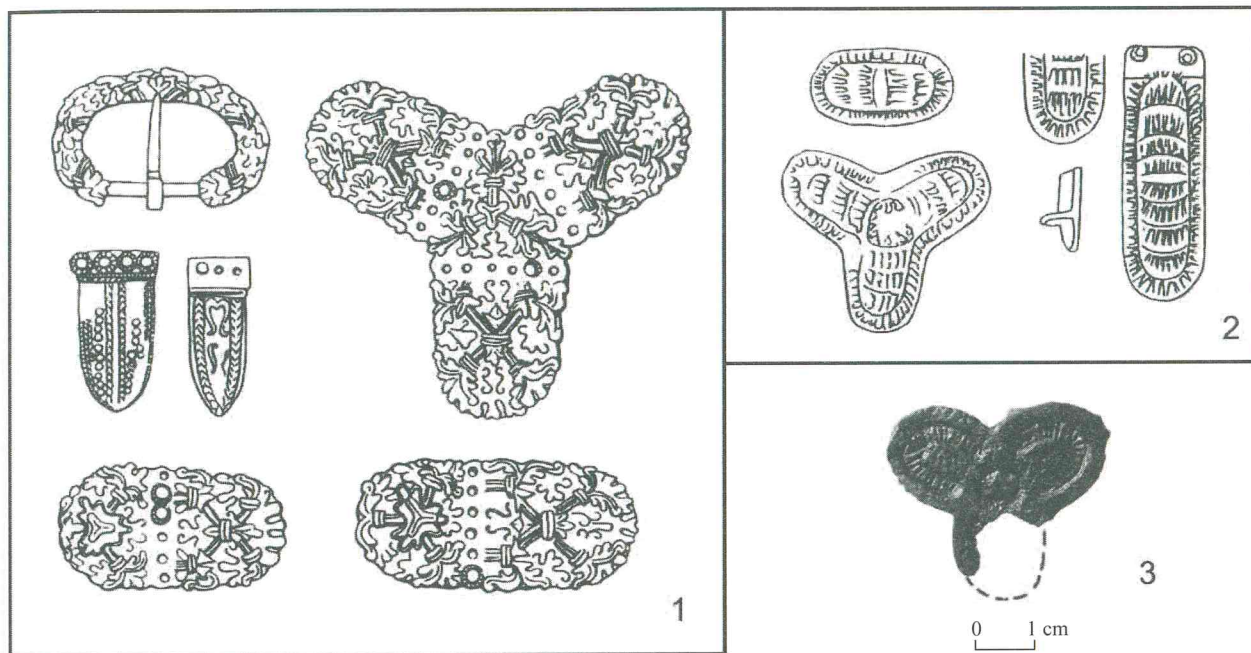
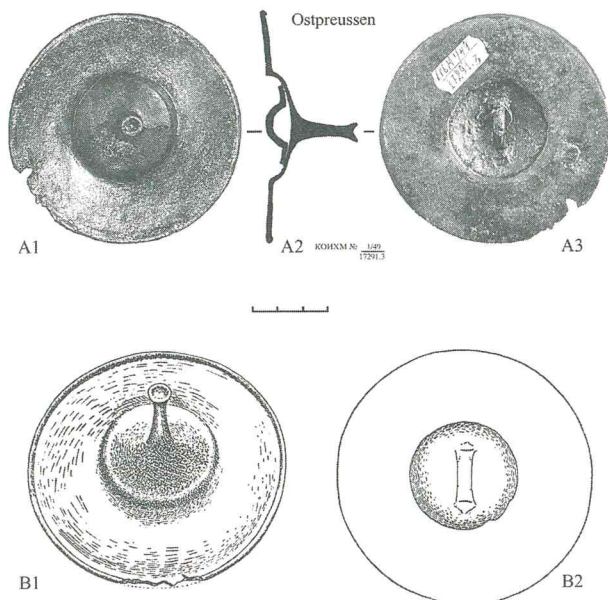

Рис. 5. Накладки-разделители ремней португеи IX в. из Центральной Европы: 1 – Колин (Словакия); 2 – Стара Коурим (Словакия); 3 – Трусо, раск. 2002 г. (Янув–Поморски, Варминьско–Мазурское воев., Польша). 1–3 – бронза. 1, 2 по: Vaumeister, 1998, Abb. 11, 1, 2; 3 – по: Trupinda, 2004, p. 99.

с. 118, 119). Здесь на памятниках ранней фазы прусской культуры (Эльблонг/Бенкенштайн–Фрайвальде, Ленче, Новинка, Трусо/Янув–Поморски) (7:4, 5 рис.) обнаружены миниатюрные копии щитов овальной или, чаще, круглой формы с умбоном в центре. За исключением находки из Трусо, отнесённой к X – началу XI вв. по виду орнамента «волчий зуб», украшающего эту подвеску, остальные прусские миниатюрные щиты обнаружены в погребальных комплексах VIII в. (Кулаков, 1990а, с. 61). Лакуну между этой группой находок и миниатюрными щитами V в. заполняют для Балтии щитовидные подвески из могильника Тумяны (8:1 рис.) и прочих памятников западной части Мазурского Поозерья. Там эти предметы встречены в женских погребениях последней четверти VII в. – начале VIII в. (Кулаков, 1990б, с. 172). Нередко щиты-миниатюры взаимовстречаю-

nach: Gaerte W., 1929, Abb. 76.f.

Рис. 6. Фото (A1, A2 и A3) и опубликованный В. Герте рисунок (B1, реконструкция внутренней поверхности B2) щитовидного предмета «из Восточной Пруссии».

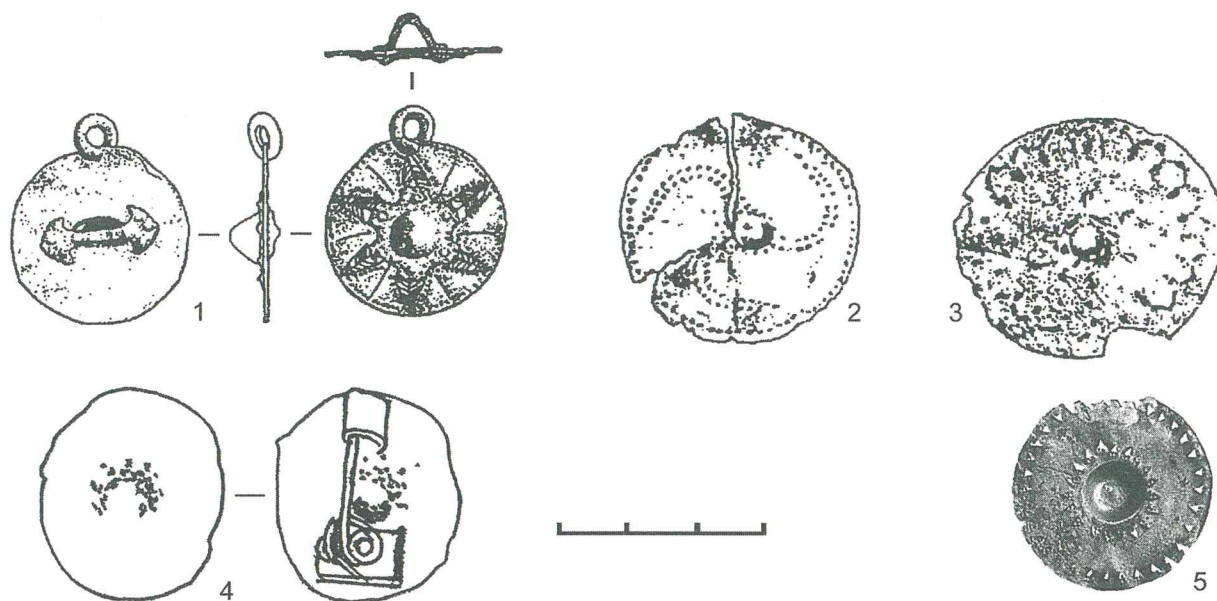

Рис. 7. Миниатюрные копии щитов в виде подвесок и фибул V–VIII вв.: 1 – Щимлеул–Силваней (Румыния); 2, 3 – Слифорд (Англия); 4 – погр. 72 могильника Ленче (Варминьско–Мазурское воев., Польша); 5 – Трусо, раск. 1985 г. 1 – золото, 2–4 – бронза, 5 – серебро. 1–3 – по: Andrzejowski, 2000, гус. 3,4–6; 4 – по: Кулаков, 1990а, табл. V,19; 5 – по: Trupinda, 2004, р. 97, 98.

тся в погребениях мазурской культурной группы, ныне называемой некоторыми польскими коллегами «ольштынской культурой», с шарнирными фибулами со щитками в виде накладок поясов или конской сбруи VII в. (8:2, 3 рис.). Для одной из таких фибул (погр. IX могильника Ментке) В. Новаковский ошибочно обозначил прототипы в местных древностях V в. (Nowakowski, 1998, с. 58). На самом деле эти уникальные для раннесредневековой Европы артефакты появляются в эпоху Меровингов и акцентируют исключительно социальный смысл производства предметов подобного рода.

Во II в. до н.э.–VIII в. н.э. в различных пунктах Европы от Уэлса на западе и до Мазур на востоке кельтские и германские мастера изготавливали миниатюрные копии предметов вооружения и даже конского снаряжения не только для создания хозяйке данной копии

мистической охраны, но и для подтверждения её принадлежности к социальному страту, связанному с военной деятельностью. В позднейшей части указанного хронологического отрезка этот страт – полиэтничная дружина воинов–профессионалов. Жившие в их среде женщины в земле пруссов гордо носили вещественные обозначения своей социальной принадлежности к воинскому страту.

Показателен факт сохранения этой традиции в Восточной и Северной Европе в эпоху викингов. «Мини–щиты» X – середины XI вв. по размерам, своим округлым очертаниям и даже орнаменту находят прямые прототипы в эпоху развития декоративного стиля Сёсдала (Новикова, 1991, с. 188–192). Обозначением социальной принадлежности женщины к правящей воинской элите являлись не только щитовидные подвески, но и подвески с изображением хищной птицы – символа древне-

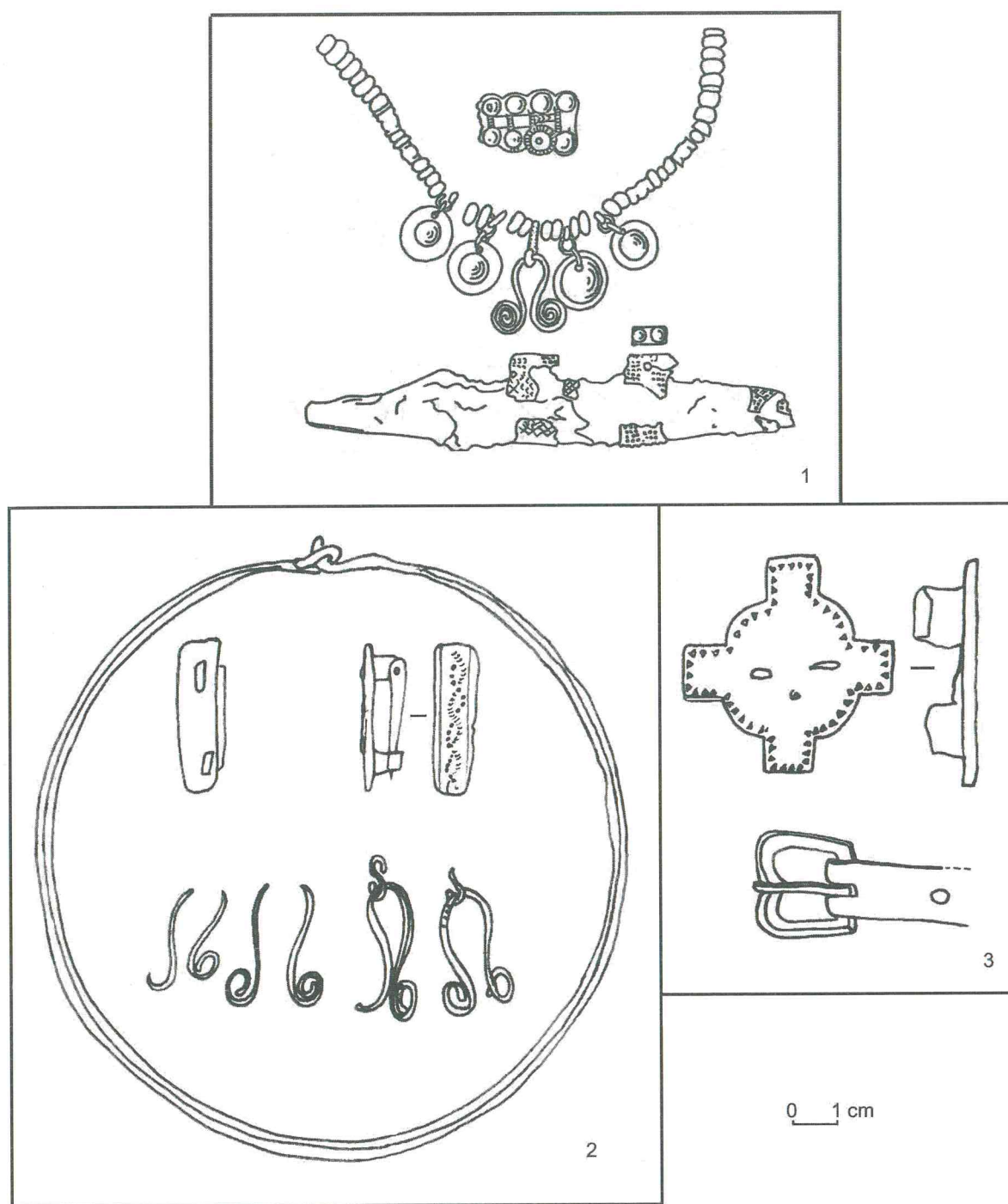

Рис. 8. Миниатюрные копии щитов и накладок в комплексах VI–VII вв. в Мазурском Поозерье: 1 – погр. 103 могильника Тумяны; 2 – погр. 109 могильника Ментке; 3 – погр. 99 могильника Ментке (Варминьско–Мазурское воев., Польша). 1–3 – бронза. 1–3 – по: Кулаков, 1990б, рис. 16, 5; 18, 2; 46, 1.

русских и прусских дружинников (Кулаков, 1988, с. 115, 116). Таковыми по своей социальной значимости были и трилистные фибулы эпохи викингов в Скандинавии и Балтии, показывавшиеся, кроме того, связь с престижными для викингов раннегосударственными образованиями в Западной Европе. Аналогичный смысл имеют на Самбии I–II вв. н.э. и женские пояса в стиле *opus interasile*, имитировавшие ремни легионеров в эпоху Клавдия–Веспасиана, и пояса с орлиными пряжками готских и гепидских дев VI в. Для представительниц слабого и прекрасного пола было важно подчеркнуть пусть мелким, однако семантически важным элементом своей бижутерии не только сакральную защиту, но и социальную принадлежность к воинской элите, находившимся в раннем средневековье на острие исторического прогресса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ванечек В.**, 1963 – Государство Моравов, Великоморавская держава // Великая Моравия. Тысячелетняя традиция государства и культуры. Прага, 1963, с. 11–33.
- Дедюхина В. С.**, 1967 – Фибулы скандинавского типа // Труды ГИМ. Москва, 1967. Вып. 26, с. 191–206.
- Кулаков В. И.**, 1988 – Птица–хищник и птица–жертва в символах и эмблемах IX–XI вв. // Советская археология. Москва, 1988. № 3, с. 106–117.
- Кулаков В. И.**, 1990а – Древности пруссов VI–XIII вв. Свод археологических источников, вып. Г 1–9. Москва, 1990.
- Кулаков В. И.**, 1990б – Могильники западной части Мазурского Поозерья конца V – начала VIII вв. /по материалам раскопок 1878–1938 гг./ // *Barbaricum*–1989. Warszawa, 1990, с. 148–275.
- Кулаков В. И.**, 1996 – Трусо и Кауп (протогородские центры в земле пруссов) // Российская археология. Москва, 1996. № 3, с. 134–147.
- Кулаков В. И.**, 1998 – Holibo. Междуречье Ильфинг и Фришинг в 5 в. // *Гістарычна–археалагічны зборнік*. Мінск, 1998. № 13, с. 98–119.
- Кулаков В. И.**, 2005 – Кауп и Доллькайм: депаспортизованные сокровища викингов // II Городцовские чтения. Материалы научной конференции, посвящённой 100-летию деятельности В. А. Городцова в ГИМ. Апрель 2003 г. Москва, 2005, с. 333–337.
- Кулаков В. И.**, 2006 – Кауп. Раскопки 1956–2005 гг. // *Pracy XV Sesij Pomorzoznawczej*, Elbląg (в печати).
- Новикова Г. Л.**, 1991 – Скандинавские амулеты из Гнёздова // Смоленск и Гнёздово (к истории древнерусского города). Москва, 1991, с. 175–199.
- Пушкина Т. А.**, 1999 – Трилистные скандинавские фибулы на территории Восточной Европы // *Археологический сборник. Труды ГИМ*. Москва, 1999. Вып. III, с. 35–42.
- Adler W.**, 1993 – *Studien zur germanischen Bewaffnung. Waffenmitgabe und Kampfweise im Niederelbegebiet und im übrigen Freien Germanien um Christi Geburt*. Bonn, 1993.
- Andrzejowski J.**, 2000 – *Wczesnorzymska miniaturka tarczy z Nadkola nad Liwcem // Supiores Barbari. Księga pamiątkowa ku czci Profesora Kazimierza Godłowskiego*. Kraków, 2000, p. 23–47.
- Baumeister M.**, 1998 – *Grundsätzliche Überlegung zur Rekonstruktion frühmittelalterlicher Schwertgehänge // Zeiten Blicke. Ehrengabe für Valter Janssen*. Berlin, 1998, p. 157–197.
- Beilke-Voigt I.**, 1994 – *Die Sitte der Miniaturgerätebeigabe bei den Germanen der späten Kaiserzeit // Offa*. Münster, 1994. Bd. 51, p. 101–129.
- Gaerte W.**, 1929 – *Urgeschichte Ostpreußens, Königsberg*, 1929.
- Godłowski K.**, 1970 – *The Chronology of the Late Roman and Early Migration Periods in Central Europe // Prace Archeologiczne*. Kraków, 1970. T. 11, p. 1–126.
- Hårdt B.**, 1984 – *Kleeblattfibeln // Birka. Analyse der Funde*. Stockholm, 1984. Bd. IV, p. 85–94.
- Kulakov V. I.**, 2005 – *Die wikingerzeitliche Siedlung und das Gräberfeld Kaup bei Wiskiauten. Bericht über die Ausgrabungen der Jahre 1956–2004 //*

Offa-Zeitschrift, 2005. Bd. 59/60, 2002/2003, p. 55–79.

Nowakowski W., 1998 – Die Funde der Römischen Kaiserzeit und der Völkerwanderungszeit aus Masuren. Berlin, 1998.

Trupinda J., 2004 – Katalog zabytków // Pacifica Terra. Prusowie–Słowianie–Wikingowie u

ujścia Wisły. Katalog wystawy. Malbork, 2004, p. 75–122.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ГИМ – Государственный Исторический Музей

TRILAPIŲ SEGIŲ IR SKYDO FORMOS KABUČIŲ GENEZĖ

V. I. Kulakov

Santrauka

Trilapės segės (Kleeblattfibeln) yra viena iš rečiausių papuošalų grupių iš visų Šiaurės Europos Vikingų epochos senienų. Šie objektai pasižymi unikaliu trilapės gėlės pavidalu, ir tos gėlės skersmuo svyruoja nuo 44,3 iki 69,5 mm (remiantis Birkos kapinyno pavyzdžiais). Minėti segtukai, daugiausia žinomi kaip IX–X a. pradžios skandinaviškos senienos, itin retai pasitaiko Rytų Europoje ir Baltijos šalyse. 8 trilapės segės buvo rastos 1967 m. Senovės Rusijos teritorijoje. Iki mūsų eros III tūkstantmečio pradžios šių radinių skaičius ženkliai nepadidėjo.

2000 m. Rusijos mokslų akademijos Archeologijos instituto Baltijos ekspedicija atnaujino Vikingų epochos archeologinių paminklų komplekso kasinėjimus Kaupe (Kaliningrado sritis) (pradėta kasinėti 1979 m.). Be atviros prekybos – amatų gyvenvietės, į komplekso struktūrą įėjo IX–X a. kapinynas. Juo naudojosi Kaupo daugiaetninės gyvenvietės gyventojai. Šioje laidojimo vietoje per kasinėjimus buvo surastos trys retos trilapės segės.

Tiek skydo pavidalo kabučiai, tiek kabučiai su plėšraus paukščio atvaizdu, kurie buvo Senosios Rusijos ir Prūsijos kovos simbolis, buvo socialinio prestižo požymis ir rodė socialinę moters priklausomybę valdančiajam kariniam elitui I-aime mūsų

eros tūkstantmetyje. Vikingų epochos trilapės segės taip pat buvo socialiai reikšmingos Skandinavijoje ir Baltijos šalyse, be to, rodė ryšį su ankstyvosiomis prestižinėmis Vikingų valstybių formacijomis Vakarų Europoje. Tiek *Opus interrabile* stiliaus moteriški diržai iš mūsų eros I–II a. Sambijoje, mėgdžiojantys legionierių diržus iš Klaudijaus–Vespasiano epochos, tiek gotikinių ir gepidinių moterų diržai su erelio formos sagtimis iš VI šimtmečio turėjo panašią prasmę.

ILIUSTRACIJŲ SĄRAŠAS

- 1 pav. Įkapės iš K(aupo) pilkapio Nr.128/146.
- 2 pav. Trilapės segės iš mūsų eros IX a. iš Kaupo.
- 3 pav. Įkapės iš K(aupo) kapo Nr. 127/147-1.
- 4 pav. Mūsų eros IX a. diržai.
- 5 pav. Kalavijo diržų atskiriamosios plokštelės iš Centrinės Europos (mūsų eros IX a.)
- 6 pav. Skydo formos dirbinys „iš Rytprūsių“.
- 7 pav. Skydo modeliai. Skydo formos kabučiai ir segės iš mūsų eros V–VIII a.
- 8 pav. Skydo modeliai iš mūsų eros V–VII a. Mozūrijos ežeryno regionas.

GENESIS OF THE TREFOIL FIBULAS AND SHIELD-SHAPED PENDANTS

V. I. Kulakov

Summary

Trefoil fibulas (Kleeblattfibeln) are one of the rare groups of ornaments throughout North European antiquities of the Viking epoch. These objects are characterized by unique shape of trefoil-flower, which diameter varies from 44,3 up to 69,5 mm (by the examples from Birka burial ground). The given fasteners, basically known in the Scandinavian antiquities of 9th – the beginning of the 10th centuries, are extremely rare in the Eastern Europe and the Baltic. 8 trefoil fibulas were fixed in the territory of Ancient Russia in 1967. By the beginning of 3rd millenium AD the number of these finds has not increased significantly.

In 2000 the excavation of a complex archeological monument of the Viking age in Kaup (Kaliningrad region) was renewed by the Baltic expedition of the Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences. Alongside with the open trading – craft settlement the structure of this complex includes burial ground of 9–11th centuries. It was settled by the inhabitants of polyethnic settlement of Kaup. Three rare trefoil fibulas were discovered during the excavations in this burial site.

Both shield-shaped pendants and the pendants with the image of a predatory bird, which was the symbol of Old Russian and Prussian combatants, were attributes of social prestiges and indicated a social belonging of the woman to the ruling mili-

tary elite in the 1st millenium AD. Trefoil fibulas of Viking epoch were also of the social importance in Scandinavia and Baltic, moreover, they indicated the connection with prestigious of early state formations of Viking in the Western Europe. Both female belts of the 1–2nd centuries AD in the style of *Opus interrasile* in Sambia simulating the belts of legionaries during epoch of Claudius–Vespasianus and the belts with eagle-shaped buckles of gothic and gepidic women of the 6th century had a similar sense.

LIST OF ILLUSTRATIONS

Fig.1. Grave-goods from barrow K(aup) 128/146.

Fig. 2. Trefoil fibulas of 9th c. AD from Kaup cemetery.

Fig. 3. Grave-goods from grave K(aup) 127/147–1.

Fig. 4. The sword belts of 9th c. AD.

Fig. 5. Spacer plates of sword belts from the Central Europe (9th c.AD).

Fig. 6. Shield-shaped artefact “from East Prussia”.

Fig. 7. Models of shield-shaped pendants and fibulas of 5–8th c.c.AD.

Fig. 8. Models of shield from 5–7th c.c. AD Mozurian Lake region.